# „Я ЧИСЛЮСЬ ПО РОССИИ“

**Анекдоты об А. С. Пушкине**

«З Л А Т О У С Т»
Русское Зарубежное Издательство
Мюнхен-Шляйсгейм
1947

# „Я ЧИСЛЮСЬ ПО РОССИИ“

## Анекдоты об А. С. Пушкине

«З Л А Т О У С Т»
Русское Зарубежное Издательство
Мюнхен-Шляйсгейм
1947

# ПУШКИН В АНЕКДОТАХ

## 1.

Во время пребывания Пушкина в Одессе там жила вдова одного генерала, который начал свою военную службу с низших чинов и дослужился до генеральского чина, хотя ничем не отличился. Генерал этот был, между прочим, в 1812 году ранен в переносицу, при чем пуля, раздробив ее, вышла в щеку.

Когда генерал умер, вдова его, желая почтить память покойного мужа, заказала на его могилу пышный памятник и непременно хотела, чтобы на нем были выгравированы стихи. К кому же было обратиться, как не к Александру Сергеевичу Пушкину, с которым генеральша была хорошо знакома?

Александр Сергеевич пообещал написать соответственные стихи, но не торопился с этим. Так проходило время, а он и не думал исполнить обещание, хотя вдова при каждой встрече не давала ему покоя.

Но вот настал день Ангела генеральши. Приехал к ней Пушкин с поздравлением. Хозяйка, что называется, пристала к нему с ножем к горлу:—Ну, Александр Сергеевич, уж теперь ни за что не отделаетесь обещаниями,—говорила она, крепко ухватив поэта за руку,—не выпущу, пока не напишете! Я все приготовила: и бумагу, и чернила. Садитесь к столику и пишите.

Пушкин с неудовольствием взялся за перо, и через минуту были готовы стихи:

Никто не знает, где он рос,
На службу поступил капралом,
Французским чем-то ранен в нос—
И умер генералом!

«Что было с ее превосходительством после того, как она сгоряча прочла стихи вслух, не знаю», рассказывает поэт: «потому что, передав стихи, я счел за благо уйти не замеченным и уехал по-добру поздорову».

Но с тех пор генеральша оставила поэта в покое.

2.

После одного обеда, на котором было выпито изрядное количество шампанского, Пушкин беседовал со знакомой ему дамой. Дама была, после болезни, рябая.

Какая-то фраза, сказанная Пушкиным, показалась ей не совсем приличной, и она заметила:

— У вас, Александр Сергеевич, кажется, в глазах двоит.

— Нет, сударыня,—ответил он,—но рябит.

3.

Однажды в приятельской беседе знакомый Пушкину офицер, по фамилии Кандыба, пристал к поэту:

— Скажи, Пушкин, поэму на «рак и рыба.»

— Дурак Кандыба,—ответил Пушкин.

— Нет, не то,—сконфузился офицер, —ну, а «рыба и рак?»

— Кандыба дурак,—невозмутимо подтвердил Пушкин.

Конечно, общий смех.

4.

Один лицеист, после выпуска из Императорского Царскосельского Лицея в

1839 году, встретил Пушкина на Невском. Поэт, заметив на нем лицейский мундир, подошел к нему и спросил:

— Вы, вероятно, только что выпущены из лицея?

— Да, только что, выпущен с прикомандированием к гвардейскому корпусу. А вы тоже воспитывались в нашем?

— Да.

— А позвольте вас спросить, где вы теперь изволите служить?

— Я числюсь по России, — ответил Пушкин.

5.

Известный писатель, Ив. Ив. Димитриев, однажды посетил дом родных Пушкина, когда последний был еще ребенком.

Подшучивая над кудрявым и смуглым мальчиком, Димитриев сказал:

— Ишь какой арапчик!

На это десятилетний внук Ганнибала отрезал:

— Но зато не рябчик!

Все присутствующие смутились и удивились, что ребенок Пушкин высмеял Димитриева, обезображенного на лице рябинами.

6.

Незадолго перед смертью Пушкин сидел в Александринском Театре рядом с двумя молодыми людьми, которые беспрестанно, кстати и некстати, апплодировали Асенковой, в то время знаменитой актрисе.

Не зная Пушкина и видя, что он равнодушен к игре их любимицы, они начали шептаться и довольно громко обронили, что сосед их дурак.

Пушкин обратился к ним со словами:

— Вы назвали меня дураком. Я—Пушкин и дал бы теперь же каждому из вас по оплеухе, да не хочу: Асенкова подумает, что я ей апплодирую.

7.

Будучи в Екатеринославе, Пушкин был приглашен на бал. В этот вечер он был в особенном ударе. Молния острот слетала с его уст, дамы непрерывно старались завладеть его вниманием.

Два гвардейских офицера, два недавних кумира екатеринославских дам, не зная Пушкина и считая его каким-то «вероятно, учителишкой» порешили во что бы то ни стало «переконфузить» его.

Подходят они к Пушкину и расшар-

киваясь самым бесподобным образом, обращаются к нему:

— Милль пардон... Не имея чести вас знать, но видя в вас образованного человека, позволяем себе обратиться к вам за маленьким разъяснением. Не будете ли вы так любезны сказать нам, как правильно выразиться: «Эй, человек, подай стакан воды! «или Эй, человек, принеси стакан воды»!

Пушкин сразу понял желание подшутить над ним и, не смущаясь, совершенно серьезно ответил:

— Мне кажется, вы можете выразиться прямо: „Эй, человек, гони нас на водопой!“

8.

Александр Сергеевич, во время своего пребывания в Царскосельском Лицее, задумал удрать в Петербург — погулять. Отправляется к гувернеру Трико, тот не пускает, заявивши при этом, что он будет следить за ним.

Пушкин махнул рукой на это заявление и, и захватив Кюхельбекера, удирает в Питер. За ними следом и Трико. К заставе первым подъезжаат Александр Сергеевич.

— Фамилия?—спрашивает заставный.

— Александр Однако,—отвечает поэт.

Заставный записывает фамилию и пропускает едущего. За Пушкиным подкатывает Кюхельбекер.

— Фамилия?—спрашивает опять заставный.

— Григорий Двако,—отвечает товарищ Пушкина, придумавшего эту остроумную комбинацию.

Заставный записывает и сомнительно качает головой. Подъезжает, наконец, гувернер.

— Ваша фамилия? — окликает его сторож?

— Трико.

— Ну, врешь,—теряет терпение заставный,—здесь что-нибудь недоброе: один за другим—Одна-ко, Два-ко! Три-ко! Шалишь, брат, ступай в караулку!

Бедняга Трико просидел целые сутки под арестом при заставе, а Пушкин свободно покутил со своим приятелем в Питере.

9.

Как камер-юнкер, Пушкин очень часто бывал у высокопоставленных особ, которые в то блаженное время на всякий выдающийся талант, как литературный, так и артистический, все еще продолжали смотреть, как на нечто шутовское, и ста-

рались извлечь из такого таланта как можно более для себя потешного. Пушкин был брезглив на подобные отношения к себе и горячо протестовал против них меткими, полными сарказма экспромптами.

Явившись раз к высокопоставленному лицу, Пушкин застал его валяющимся на диване и зевающим от скуки. При входе поэта лицо, разумеется, и не подумало изменить позы, а, когда Пушкин, передав, что было нужно, хотел удалиться, то высокопоставленное лицо попросило поэта сказать экспромпт.

— Дети на полу—умный на диване,— сказал сквозь зубы раздосадованный Пушкин.

— Ну, что же тут остроумного,—возразила особа,—де-ти на по-лу, умный на диване. Понять не могу... Ждал от тебя большего.

Пушкин молчал, и когда, повторяя фразу и перемещая слоги, сановник дошел наконец: „Детина полуумный на диване, — то, разумеется, немедленно и с негодованием отпустил Пушкина.

10.

В одном литературном кружке, где собралось более врагов, нежели друзей

Пушкина, куда он и сам иногда заглядывал, одним из членов этого кружка был сочинен пасквиль на поэта под заглавием „Послание к поэту“.

Пушкина ждали в назначенный вечер, и он, по обыкновению опоздав, приехал. Все присутствовавшие были, конечно, в возбужденном состоянии, а в особенности автор „Послания“, не подозревавший, что Александр Сергеевич о его проделке уже предупрежден.

Литературная часть вечера началась чтением именно этого „Послания“, и автор его, став посередине комнаты, громко провозгласил:

— Послание к поэту:

Затем, обращаясь в сторону, где сидел Пушкин, начал:

— Дарю поэта я ослиной головой...

Пушкин быстро перебивает его, обращаясь в сторону слушателей:

— А сам останется с какой?

Автор смешался:

— А я останусь со своею.

— Да вы ж сейчас дарили ею?

Последовало общее замешательство. Обескураженный автор замолк на первой фразе, а Пушкин продолжал шутить и смеяться.

## 11.

Император Николай Павлович всегда советовал Пушкину бросить карточную игру, говоря:

— Она тебя портит!

— Напротив, Ваше Величество,—отвечал поэт,—карты меня спасают от хандры.

— Но что стоит после этого твоя поэзия?

— Она служит мне средством к уплате моих карточных долгов, Ваше Величество.

И действительно, когда Пушкина мучили карточные долги, он садился за рабочий стол и в одну ночь отрабатывал их с излишком. Таким образом, например, им был написан „Граф Нулин“.

## 12.

Дельвиг, однокашник Пушкина, одно время стал вести очень разгульную жизнь. Однажды, сильно выпивши, растрепанный, явился он к Пушкину. Поэт стал убеждать товарища переменить образ жизни. Однако, на все доводы Пушкина Дельвиг отвечал с отчаянием, что, мол, жизнь земная не для него:

— А вот уж на том свете исправимся.

— Пожалуй, — говорит Пушкин, рассмеявшись, — да ты посмотри на себя в зеркало, впустят ли тебя с такой рожей?

13.

Пушкин не любил стоять рядом со своею женою и шутя говорил, что ему подле нее быть „унизительно“: так мал был он в сравнении с нею ростом.

14.

Забавен рассказ Гоголя о попытках его познакомиться с Пушкиным, когда он еще „не имел права“ на это в своем звании писателя.

Впоследствии он был представлен на вечере у П. А. Плетнева, но раньше, как только он приехал в Петербург (в 1829 году), Гоголь, особенно желавший видеть поэта, который занимал его воображение еще на школьной скамье, прямо отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и, наконец,у самых дверей он постоял и... убежал в кондитерскую, где потребовал рюмку ликера... Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил, и на вопрос свой. «Дома ли хозяин?»—услыхал ответ слуги: «Почивают». Было уже поздно на дворе, и Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал?»—»Как же, работал»,—отвечал слуга:—«в картишки играл». Гоголь признался, что был поражен. Он иначе не

представлял себе Пушкина, как окруженным постоянно облаком вдохновенья.

15.

Пушкин любил веселую компанию молодых людей. У него было много приятелей между подростками и юнкерами. Около 1827 года водил он в Петербурге знакомство с гвардейской молодежью и принимал деятельное участие в кутежах и попойках. Однажды пригласил он несколько человек в тогдашний ресторан Доминика и угощал их на славу. Входит граф Завадовский и, обращаясь к Пушкину, говорит:

— Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник:

— Да ведь я богаче вас,—отвечает Пушкин:—Вам приходится иной раз и проживаться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный—из тридцати шести букв русской азбуки.

16.

Однажды Александр Сергеевич пришел вместе с Мицкевичем к сестре своей Ольге Сергеевне, когда обычные посетители были уже в сборе. Гости—одни в ожидании музыкального сеанса, другие—виста—расхаживали по комнате, и тут-то

произошел известный обмен добродушн
фраз между русским и польским поэта
Пушкин и Мицкевич вошли вместе
— Дорогу, господа, туз идет,—воз
стил Мицкевич, указывая на Алексан,
Сергеевича.
— Нет, вы проходите прежде! Коз
ная двойка туза бьет,—ответил Пушкин

17.

Кто-то, желая смутить Пушкина, сп
сил его в обществе: «Какое сходство ме
ду мною и солнцем?»—
— Ни на вас, ни на солнце нел
взглянуть, не поморщившись,—быстро
ветил поэт.

18.

Однажды Пушкин вошел в шкс
гвардейских подпрапорщиков, где у н
было много знакомых среди молоде
Молодежь занималась „делом»: лови
мышь. Но расторопная мышь улизнула
погони уже перед глазами вошедшего Пу
кина, который при этом воскликнул:

Победили, победили!
Так воскликнем-же ура!
Если мышь мы не убили,
То убили мы бобра!

19.

## Завещание Пушкина.

Друзья, простите! Завещаю
Вам все, чем рад и чем богат...
Обиды, песни—все прощаю,
А мне пускай долги простят.

20.

Однажды Пушкин был очень не в духе. Он сильно нуждался в деньгах, а скорого получения их не предвидел. В эти неприятные минуты является какой-то немец-сапожник—и энергично требует свидания с Пушкиным. Раздосадованный поэт выходит и резко спрашивает:

— Что нужно?

— Я к Вам, господин Пушкин, прихожу за Вашим товаром,—ответил немец.

— Что такое?—с недоумением спросил снова поэт.

— Вы пишете стихи. Я пришел у Вас покупать четыре слова из Ваших стихов: я делаю ваксу и хочу на ярлыке печатать четыре слова, очень хорошие слова: (Яснее дня, темнее ночи». За это я вам дам, господин сочинитель, 50 рублей. Вы согласны?

Пушкин, конечно, согласился, а немец, довольный вполне сговорчивостью поэта, ушел заказывать желаемые ярлыки.

21.

Однажды государь Николай Павлович в интимной беседе с поэтом спросил его:

— Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял бы ты участие в 14-м декабря?

— Неизбежно, Государь! — ответил Пушкин:—все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за это Небо.

Этот прямой и откровенный ответ понравился Государю. Он один из всех его окружавших понимал значение Пушкина и сознавал в нем силу поэтического гения.

—Надеюсь, заметил Государь,—теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Все, что ты сочинишь, присылай ко мне: отныне я сам буду твоим цензором.

В тот же вечер на балу у французского посланника, маршала Мармона, Император сказал графу Д. Н. Блудову:

— Знаешь ли ты, что сегодня я говорил с умнейшим человеком России? С Пушкиным.

---

Пушкин, узнав о восстании декабристов (он в то время жил в селе Михайловском), немедленно поехал в Петербург.

По пути он в поле увидал зайца, трижды перебежавшего дорогу. Суеверный поэт немедленно вернулся домой. Это его спасло.

Деревенская жизнь и невольное одиночество в селе становились томительными и тяжелыми для поэта. Он рвался к друзьям, в столицу, к шумной жизни. По совету Жуковского Пушкин обратился к Николаю Первому:

«Ныне с надеждою на великодушие Вашего Императорского Величества с истинным раскаянием и твердым намерением не противоречить моими мнениями общепринятому порядку, осмелился я прибегнуть к Вашему Величеству со всеподданнейшею моей просьбою. Здоровье мое, расстроенное в первой молодости и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения. Осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края».

28-го августа 1826 года, через несколько дней после коронации, из Москвы Государь послал за Пушкиным, который следующим образом описывает свою первую встречу с Императором:

«Меня ввели в кабинет Императора, который сказал мне:

— Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?

Потом Государь спросил:

— Пушкин, принял-ли бы ты участие в 14-м декабря, если бы был в Петербурге?

— Непременно, Государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога.

— Довольно ты надурачился,—возразил император.—Надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Отныне я буду твоим цензором.

Но очень скоро поэта постигло полное разочарование, т. к. его фактическим цензором сделался Бенкендорф.

22.

Одна француженка допрашивает Александра Сергеевича о том, кто были его предки. Разговор происходил по-французски.

— Кстати, господин Пушкин, вы и сестра ваша имеете в жилах кровь негра?

— Разумеется,—ответил поэт.

— Это ваш дед был негром?

— Нет, он уже им не был.

— Значит, это был ваш прадед?

— Да, мой прадед.

— Так это он был негром... да... да.. Но, в таком случае, кто же был его отец?

— Обезьяна, сударыня,—отрезал наконец Александр Сергеевич.

23.

В светских кругах Петербурга смотрели на Пушкина, как на выскочку. Некогда близкие ему друзья находили возможным относиться к поэту с оттенком пренебрежения. Например, бывший товарищ Пушкина по «Арзамасу», граф Уваров, как-то сказал про Пушкина:

«Чего он важничает? Прадеда его, арапченка Ганнибала, продали за бутылку рома!»

Эту пошлость подхватил и пустил в обращение недруг Пушкина — известный Булгарин. На это Пушкин ответил своим оскорбителям стихотворением «Моя родословная», в котором он указал на предков многих знатных фамилий, бывших очень простого происхождения. Стихотворение это Пушкин закончил:

Видок Фиглярин*), сидя дома,
Решил, что дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки к шкиперу попал.

---

*) Ф. В. Булгарин.

Сей шкипер был тот шкипер славный'
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Корме родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем, средь гибельных пучин,
Громада кораблей всплывала,
И пал впервые Наварин.

Мало этого, вскоре он ответил и Уварову одной из язвительнейших своих эпиграмм, но все это не уменьшило, а, наоборот, увеличило число светских врагов поэта.

Хорошее отношение Государя к Пушкину возбуждало зависть. Многие из современников не понимали всего величия гения. Для них он был «писака», ничем не отличавшийся от Булгарина, и только. Жизнь Пушкина становилась все неспокойнее и неспокойнее. Эта жизнь в свете всегда была ему противна, но он должен был волей-неволей вести ее, дабы не лишить свою любимую жену ее развлечений. Эта жизнь отрывала поэта от работы. Пушкин страдал невыносимо, и никто, даже такое близкое существо, как жена, не понимали и не замечали этих страданий.

24.

Ф. В. Булгарин был враг Пушкина. Не было злой сплетни, которую Булгарин не распускал бы про него.

Пушкин ему мстил злыми эпиграммами и четверостишьями:

## На Ф. В. Булгарина

1.

Все говорят: он Вальтер Скотт,
Но я, поэт, не лицемерю:
Согласен я—он просто скот,
Но что он Вальтер Скотт—не верю.

2.

Фаддей роди Ивана,
Иван роди Петра—
От дедушки болвана
Какого ждать добра?

25.

## „Пушкин и чернослив“.

Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может—лестная надежда!—
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!..

Пушкин.

Осенью 1828 года Пушкин гостил в имении Вульфов—Малинниках. Слух о зна-

менитом госте быстро облетел соседей, и они зачастили в Малинники. «Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито», —писал Пушкин Дельвигу. (Мунито—пес Императора Николая Первого—славился необычайной дрессировкой). — «На-днях было сборище у одного соседа, я должен был туда приехать»—продолжал Пушкин в том-же письме.—«Балованные ребятишки хотели непременно туда-же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала потихоньку от них убраться. Но Петр Маркович Полторацкий, гостивший в это время у нее в доме, неподалеку от Малинников, взбудоражил детей словами: «Дети, дети! Мать вас обманывает — не ешьте черносливу, поезжайте с нею. Там будет Пушкин—он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут, и всем вам будет по кусочку.“ Дети. разревелись: «Не хотим черносливу, хотим Пушкина!» Нечего делать—их повезли к соседям, куда приехал и Пушкин. «И они сбежались ко мне, облизываясь»,—писал Пушкин,—«но увидев, что я не сахарный, а кожаный,— совсем опешили»,

---

Прошло более ста лет. Времена переменились. Россия стала Совдепией. Но большевики сочинили тысячу легенд, что

Пушкин—«их поэт». Забыли, что он дворянин, помещик и аристократ. Раз гений...о, конечно,—их. Но как отпраздновать, чем ознаменовать? Покуда-же делали весь 1936 год в память Пушкина пряники, «Мясо с огурцом—Пушкин» и другие кулинарные блюда. История же с черносливом теперь повторилась... Но совершенно наизнанку. Мальчик в лавке на предложение взять «пряник Пушкин», громко заявил: «Мама, не хочу Пушкина, а хочу чернослива. Чернослив вкусный, он в шоколаде, а в Пушкине вкуса никакого нет».

——

Жизнь в столице Пушкина не удовлетворяла, и его тянуло в деревню к природе, к уединению и покою. Осенью 1826 года Пушкин поехал к Вульфам в Малинники. Здесь он много работал, закончил седьмую главу «Евгения Онегина», но и много развлекался и ухаживал за барышнями. Письма его из Малинников полны беззаботной веселости, одно свое письмо он подписывает: „Тверской Ловелас".

„Здесь очень много хорошеньких девченок, и я вожусь с ними платонически, и оттого толстею и поправляюсь в моем здоровьи... Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфу

в Онегина, а я езжу на пароме, играю в вист по восьми гривен роббер и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока“...

Его веселый припев в то время:

Хоть малиной не корми,
Да в Малинники возьми.

Жизнь в деревне среди друзей подбодрила поэта, но не надолго: Бенкендорф не прекращал своих придирок.

26.

В 1833 году приятель поэта П. Н. Нащокин приехал в Петербург и остановился в гостинице.

Это было 29 июня, в день Петра и Павла. Съехалось несколько знакомых, в том числе и Пушкин. Общая радость, веселый говор, шутки, воспоминания о прошлом, хохот. Между тем, со двора, куда номер выходил окнами, раздавался еще более громкий хохот и крик. Это шумели каменщики, которые сидели на кирпичах около ведра водки и деревянной чашки с закускою. Больше всех горланил какой-то мужик с рыжими волосами.

Пушкин подошел к окну, прилег грудью на подоконник, сразу заметил крикуна и сказал приятелям: «Тот, рыжий,

должно-быть именинник", и крикнул, обращаясь к нему:

— Петр!

— Что, барин?

— С Ангелом!

— Спасибо, господин.

— Павел!—крикнул Пушкин опять, и, обернувшись в комнату, прибавил:—В такой куче и Павел найдется.

— Павел ушел.

— Куда? Зачем?

— В кабак... Все выпили. Да, постой, барин, скажи: почем ты меня знаешь?

— Я и старушку—матушку твою знаю.

— Ой?

— А батько-то помер?

— Давно, царство ему небесное!... Братцы, выпьемте за покойного родителя!

В это время входит на двор мужик со штофом водки. Пушкин, увидав его раньше, закричал:

— Павел, с Ангелом! Да неси скорее!...

Павел, влезая на камни, не сводил глаз с человека, назвавшего его по имени. Другие, объясняя ему, пьют, а рыжий не отстает от словоохотливого барина:

— Так, стало, и деревню нашу знаешь?

— Еще б не знать: Ведь она близреки?

— Так, у самой речки.

— Ваша изба, почитай, крайняя?

— Третья от края... А чудной ты барин! Уж поясни, сделай милость, не святым же духом всю подноготную знаешь?

— Очень просто: мы с вашим барином на лодке уток стреляли, вдруг гроза, дождь, мы и зашли в избу к твоей старухе.

— Так... Теперь смекаю.

— А вот жаловалась на тебя: мало денег посылаешь!

— Грешен, грешен!..—Да вот все на проклятое выходит,—сказал мужик, указывая на стакан, из которого выпил залпом и прокричал: „Здравствуй, добрый барин!"...И... закусил.

27.

## „Моя эпитафия".

Здесь Пушкин погребен: он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век;
Не делал доброго, однако ж был душою
Ей-Богу, добрый человек.

28.

Однажды Пушкин сидел в опере. Господин, рядом с ним сидящий, все время подпевал артисту Петрову. Раздосадованный Пушкин громко сказал: „Что за идиот, мешает слушать!"—„Позвольте, сударь, это

кого вы так изволили назвать?"—„Ну, конечно, Петрова, который мне мешает наслаждаться вашим пением",—ответил Пушкин.

29.

Всем известна замечательная поэма Пушкина „Цыгане", начинающаяся:

Цыгане шумною толпой
По Бессарабии кочуют...

Эта поэма была написана под впечатлением встреч с вольными детьми степей и постоянного наблюдения над их жизнью.

Все население в ту пору относилось к цыганам благосклонно. Для мужчин последние были постоянными поставщиками лошадей и ветеринарами, а черноглазые гадальщицы всегда умели развеселить и заинтересовать скучающую публику.

В то далекое время цыгане располагались по берегам реки Бычка и по горе Инзова. На этой же горе находился и дом, в котором жил Пушкин.

Поэт любил в хорошее летнее утро любоваться с этой горы восходом солнца. Здесь-же он увидел в первый раз цыганку Стешу, игравшую впоследствии такую большую роль в кишеневской жизни поэта. По всей вероятности, на Инзовой горе

расположился кочующий цыганский табор, и Стеша, увидев прогуливающегося здесь молодого барина, подошла к нему с предложением погадать. Красота Стеши поразила Пушкина, и он до того увлекся ею, что начал довольно часто посещать табор, где его любили за веселый нрав и щедрость. Следует добавить, что к этому же времени относится и другой роман Пушкина, бывшего или воображавшего себя страстно влюбленным в молдаванскую аристократку Людмилу И-за. В то время, как с последнею Пушкин встречался по вечерам, на гуляниях, пикниках и т. п., Стеше он посвящал каждое утро и добрую половину дня.

Пока дело ограничивалось посещениями Пушкиным табора, подарками, песнями и пляскою, табор смотрел на поэта дружелюбно и даже любил его, но вскоре вольные сыны степей заметили, что Стеша все больше и больше привязывается к Пушкину, да и последний не всегда сдерживал свой пылкий, страстный нрав.

Но последствием этих обстоятельств было то, что в одно прекрасное утро Пушкин на месте табора нашел лишь черепки разбитой посуды, сор и ямки от кольев, к которым прикреплялись шатры. Сначала поэт пришел в бешенство, хотел пустить-

ся в погоню за табором, но потом так же скоро и успокоился, к большой радости своих кишеневских друзей, замечавших, что он начинал не на шутку увлекаться дикой красавицей.

Однако, эта радость была преждевременна. Лето стояло на исходе, но погода попрежнему была жаркая, и вдруг разразилась страшная гроза с ливнем.

Проливной дождь, ливший, как из ведра, сразу наполнил водою все пересохнувшие ручьи и мелководный Бычек. Дом Пушкина, находившийся на склоне горы, был залит водою, т. к. на него хлынули сверху целые водные потоки. В это время у Пушкина находились его друзья .Молодые люди смеялись, шутили и помогали хозяину убирать с полу разные вещи, как вдруг отворилась дверь, и вошла усталая и измокшая Стеша. Все позабыли о наводнении и с любопытством глядели на сцену неподдельно-радостного свидания двух любящих друг друга людей.

Стеша искренне любила поэта, а последний, надо полагать, больше увлекся ее красотою, нежели любил, и... часто изменял ей.

В то время в Кишеневе был Романовский Сад, куда Пушкин часто ходил с Людмилой И-за. Здесь Пушкин постоянно

декламировал ей свои стихи, горячо признавался ей в любви и, вероятно, сорвал не один поцелуй.

Стеша, часто остававшаяся одна, мучилась ревностью и тосковала. Наконец, она решилась подстеречь Пушкина с соперницей. Благодаря ее врожденной хитрости и беззаботности Пушкина, эта задача не стоила ей большого труда. Узнав заранее место и час, в который Пушкин и Людмила И-за посещали сад, Стеша спряталась в кустах смородины и стала их поджидать. Как назло, в этот день прогулка поэта и красавицы-молдаванки отличалась особенною интимностью. Стеша не выдержала и, как дикая кошка, кинулась на И-зу.

Пушкин сначала было растерялся, но затем, видя, что И-за лежит без чувств на земле, в свою очередь ударил цыганку толстою палкою, служившею подпоркой для виноградной лозы. Стеша закричала от боли и, оставив соперницу, хотела была броситься на Пушкина, но потом, как-будто раздумав, даже не взглянула на коварного изменника и гордой поступью вышла из сада. Больше ее не видали в Кишеневе: цыганка или покончила с собою, или— что, вероятнее—вернулась в табор.

Конечно, на крики и шум сбежались

садовники и гуляющие. Избитую и лежавшую без чувств И-зу унесли в экипаж, а слух о происшествии с быстротою молнии облетел весь город. Гордая молдаванка не могла вынести скандала и куда-то уехала.

---

## Константин Коровин о Пушкине. (Из «Воспоминаний детства»)

Многим бы хотелось видеть Пушкина. А бабушка моя, Екатерина Ивановна Волкова, видела его, И много говорила мне и брату моему, когда мы были детьми. Говорила об Александре Сергеевиче Пушкине, что это был самый умный человек России... И мне представлялся он красивым, на белом коне, как наша лошадь Сметанка, и в каске с перьями. А бабушка сказала мне, что нет, он был маленького роста, сгорбленный, курчавый блондин, с голубыми большими глазами, блестящими, как-будто на них были слезы. Серьезный, никогда не смеялся. Одет был франтом, носил большое кольцо на пальце и смотрел в золотой лорнет. Зачем это,— подумал я,—маленького роста? Неправда, что бы мне ни говорили. Мой дед, Михаил Емельянович, был огромного роста, и мне хотелось-бы, чтоб и Пушкин был такой-

же, и приносил бы мне игрушки. Но мне всегда нравилось, когда бабушка читала мне Пушкина. И я, слушая, сидя на лежанке, думал: а ведь его убили. Как это гадко!

Несказанно я любил слушать бабушку, когда она читала Пушкина. И все както было полно им: и вечер, и зимняя дорога, тройка, когда меня взял с собой мой дед в Ярославль, остановки на постоялом дворе, калачи, поросенок, икра, и месяц, и страшный лес на дороге. Как верно и хорошо он написал про все это, все самое мое любимое!

И я знал уже много стихов Пушкина наизусть. Из дому деда, на Рагожской улице, уходил на соседний большой двор, к ямщикам, в ямскую избу, где было тепло, пахло щами. Такие хорошие ямщики, отдыхали, сидели, пили чай. Ели баранки, ситный, и любили меня, хозяйского внука. Я всей душой любил ямщиков. Я им говорил наизусть:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит...

и видел,—нравилось ямщикам.

— Ну-ка,—говорили они мне,—скажи, Костя, вот ему... про разгулье удалое аль сердешную тоску... Как это, скажи-ка...

Ямщики слушали.

Один из них, Игнат, с черной бородой, часто просил меня:

— Скажи, да скажи... про старушку родную...

Тогда я ему говорил стихи:

Буря мглою небо кроет...

Игнат плакал. Всегда плакал.

Поразило меня однажды, что приятель отца моего, судебный следователь Поляков, сказал про Пушкина: барин, камер-юнкер. И что-то нехорошо говорил.

Я сказал бабушке, Екатерине Ивановне:

— Поляков не любит Пушкина.

— Да,—ответила она,—не слушай его. Он нигилист.

Я не понял, но подумал: нигилист— это должно-быть вроде дурака.

Странно, что Ларион Михайлович Пряничников, впоследствии художник, родственник наш, часто бывая в доме у нас, тоже не любил Пушкина, тоже сказал: камер-юнкер!

Мой дед был именинник. Лежал в постели, прихварывал. Утром я пришел к нему и сказал стихи:

Птичка Божия не знает...

Он меня погладил по голове и, смотря добрыми глазами, сказал мне:

— Это, Костя, хороший барин сочинил.

Потом, вздохнув, сказал:

— Эх, грехи, грехи. Ты, Костя, когда молишься на ночь—то поминай его. Он, ведь, был добрый, как Божий серафим. Мученик —ведь его убили.

Вот,—думал я,—что такое.

— Дедушка,—говорю я,—а Игнат...я ему сказал стихи, а он заплакал.

— Ишь-ты,—удивился дед.—Он, Игнат, хороший мужик. Бедный, бездомный. Пьет только частенько...

Почему-то дед запретил мне ходить в ямщицкую, к ямщикам.

— Есть,—говорит,—запойные... Всякого наслушаешься. Не надо,—говорит,—ходить тебе туда.

Когда дед умер, то после я спрашиваю няню Таню:

— Вот, дед мне велел молиться о Пушкине.

— А кто он тебе доводится?—спросила няня Таня.

— Он серафим от Бога был, камер-юнкер; убитый...

— Ишь-ты!—вздохнула няня.—Ну, молись так: Помяни, Господи, во царствии Твоем раба Твоего камер-юнкера Серафима.

Я на ночь, стоя на коленях в постели, поминал деда, покойную сестру и доброго, убиенного «Камер-юнкера Серафима“.

## Находятся в печати и выйдут в ближайшее время:

| | Цена |
|---|---|
| А. С. ПУШКИН. «Капитанская дочка» | 8 м |
| ПРОРОЧЕСКАЯ БЫЛИНА. (Как Святые Горы выпустили из каменных пещер своих русскиих могучиих богатырей). | 7 м. |
| ДЕТСКАЯ АЗБУКА. Иллюстрир. издание в 4-х красках (огранич. тираж на лучшей меловой бумаге) | 15 м. |
| А. И. ГРЕБЕНЩИКОВ. «Необходимые сведения о святой литургии». | |

## Готовятся к печати:

А. С. ПУШКИН. «Бахчисарайский фонтан».
А. С. ПУШКИН. «Евгений Онегин».
Н. СОЛОДКОВ. «Сказки капитана Гранта» (для взрослых).
Мих. ВАРЕНЦОВ. Сборник рассказов («Никто» и друг.), вып. 1-ый.
А. П. ЧЕХОВ. Избранные рассказы, вып. 1-ый.
И. С. ТУРГЕНЕВ. Избранные рассказы, вып. 1-ый.
Н. В. ГОГОЛЬ. «Вий» (иллюстр. издание).
П. КРАСНОВ. «Аска Мариам» (рассказ).
Г. КРЕМЛЕВ. «Мельница в лесу» (Повесть).
Е. ГАГАРИН. Сборник рассказов.
Е. КОВАЛЕНКО. «Тохтамыш» (Отрывок из поэмы «Москва»)—иллюстр. издание.
Е. КОВАЛЕНКО. Стихи, книга 1-ая.
Русские музыкальные портреты—
Вып· 1-ый—А. Зверев «П. И. Чайковский» (богато иллюстр. здание).
Вып. 2-ой—З. Агатгорн. «М. П. Мусоргский» (богато иллюст. издание).
И. К. СУРСКИЙ. «Отец Иоанн Кронштадский».
СБОРНИК РУССКИХ НАРОДНЫХ и ЦЫГАНСКИХ ПЕСЕН.